

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РУКОПИСНАЯ
КНИГА
В КУЛЬТУРЕ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

(ОЧЕРКИ)

Книга вторая

Главная редакция восточной литературы
Москва 1988

Китайская письменная традиция восходит к глубокой древности. Легенды утверждают, что предки нынешних китайцев умели писать уже в III тысячелетии до н. э. Но если отвлечься от этих легенд, говорящих о древнейшем узелковом письме, о знаках, подражавших следам птиц, оставшимся на прибрежном иле, и обратиться к письменным памятникам, то китайская письменность весьма стара — реально существующие ее памятники датируются XV в. до н. э. Эти надписи на гадательных костях и на ритуальных бронзовых сосудах не являются, строго говоря, книгами ни в одном из привычных нам значений этого слова. И тем не менее благодаря непрерывному, зафиксированному на образцах развитию китайской письменности от документов, каковыми, по сути дела, являются тексты на костях и бронзе (*цзя-гу вэнь*), до пространных исторических, поэтических, гадательных, ритуальных сводов связь между цзя-гу вэнь и собственно рукописными книгами в китайской истории вполне очевидна. Примечательно, что первоначальные книжные термины, бывшие в ходу в I тысячелетии до н. э., в большей части соотносятся с теми же надписями на костях, бронзовых сосудах, а кроме того — с текстами и книгами, написанными на бамбуковых планках.

Все формы древней письменности — пока еще на твердых, неэластичных материалах для письма — были с древности известны по описанию их в исторических источниках. XX век — век великих археологических открытий, заставивших заново написать древнюю историю Китая, — предоставил исследователям возможность изучать древнюю письменность на несомненно подлинных образцах и увидеть ее в первоначальном виде. Поэтому история книги в названный период (до изобретения бумаги) — это история соответст-

¹ Литературу к данному очерку, а также литературу к очеркам Л. Н. Меньшикова, В. Н. Горегляда, Д. Д. Елисева, Е. И. Кычанова см. в конце книги.

вующих археологических находок и их расположения по хронологической канве.

Из всех находок, несомненно, самой важной является обнаруженный в конце XIX в. древний архив гадательных надписей на костях, давший историкам очень много документальных сведений о жизни в Инь-Шан, древнейшем государстве из известных ныне на территории Китая, а историкам книги и письменности — древнейшие формы записи текстов.

В конце XIX — начале XX в. на территории современной деревни Сяотунь, расположенной близ г. Аньян в провинции Хэнань, были найдены в большом числе гадательные кости эпохи Шан или, исходя из ее чжоуского названия, эпохи Инь. Первоначально это были случайные находки, обратившие вскоре на себя внимание коллекционеров, а потом и знатоков. В собирании гадательных костей наряду с китайскими коллекционерами участвовали и любители из других стран (Японии, США). В 1928 г. в Сяотуни начались научные раскопки археологов Академии наук Китая. Любительская погоня за гадательными костями была прекращена. Археологи обнаружили руины столичного города эпохи Шан. Первый этап исследований продолжался до 1937 г. Наряду с открытиями дворцов, храмов, жилищ и различных хозяйственных построек было найдено множество гадательных костей.

В послевоенные годы работы по изучению материалов периода Шан в окрестностях Сяотуни продолжались. Новые открытия сделаны в последнее время. В 1971 г. поблизости от Сяотуни, на территории древнего канала, была обнаружена 21 гадательная кость, большинство из них с надписями. В 1973 г. к югу от Сяотуни, вблизи от старых раскопок, было найдено более 4800 гадательных костей, покрытых надписями. Находки связаны с периодами правления семи из десяти позднешанских правителей-ванов (примерно с середины XIII в. до н. э. до начала XII в. до н. э. и от середины XII в. до н. э. до середины или последней четверти XI в. до н. э.). Самые различные стороны жизни освещены в надписях на гадательных костях: война и охота, различные стороны хозяйственной жизни, отношения с соседними племенами и союзы племен, семейные отношения и т. д. Обнаруженные в последние годы гадательные тексты наряду с текстами, давно ставшими достоянием науки, представляют значительный интерес для исследований.

Обратимся к внешнему виду текстов на гадательных костях. Чаще всего для гаданий употреблялись панцири чере-

пах, лопатки и, реже, берцовые кости крупного рогатого скота. На костях записывались серии вопросов по поводу возможного успеха или неуспеха предпринимаемого дела. Рядом записывались ответы гадателя (*бу* или *чжэнь*). Наконец, на той же кости (или панцире) фиксировался и реальный результат: произошло ли то или иное событие, и если произошло, то принесло оно удачу или неуспех. Поскольку гадания на близкие темы производились неоднократно, то часто кости соединяли, связывая в одну стопку — прообраз будущей книги.

Жизнь последнего периода Инь-Шан документирована чрезвычайно подробно. Разнообразие текстов объясняется тем, что предварительного выяснения требовали буквально все действия людей того времени. Беда только в том, что точная датировка каждого отдельного документа оказывается невозможной: в них фиксируются не годы, а дни, и только встречающиеся имена правителей-ванов и других известных в истории людей дают основание для «привязки» текстов к тому или иному периоду. Обнаруженные при раскопках собрания гадательных костей, несомненно, являются прообразом последующих архивов, игравших важнейшую роль в китайской письменности и китайской государственной жизни. Да это и были архивы, хотя и весьма своеобразные.

Форма письменных знаков и характер записей неопровержимо удостоверяют, что мы имеем дело со сложившейся письменностью, фиксирующей фразы реального языка, а не с письмом пиктографического (рисуночного) типа, призванным передавать скорее ситуацию, чем ее словесное описание. Хотя в течение трех-четырех веков, для которых мы имеем надписи на костях, сами знаки изменялись, становились компактнее, изящнее по начертаниям, тем не менее на протяжении всего периода характер письменности оставался одним и тем же и техника нанесения письмен была одна: твердым острым предметом на костях делались бороздки, в которые потом втиралось красящее вещество (предшественник туши). У иероглифов нет еще стандартных написаний, вариантов одного и того же знака достаточно много. Нет и стремления к тому, чтобы любой иероглиф вписывался в квадрат или прямоугольник, что было столь характерно для более поздней китайской письменности. Стандарт письменного знака еще только намечался, но не стал строгим. Этот стиль, известный с древних времен как *да чжуань* («большая чжуань»), сейчас прочно связан с надписями на гадательных костях.

В XI в. до н. э. эпоху Шан сменила эпоха Чжоу. Первый период носит название Западное Чжоу (Си Чжоу, кончается, по традиции, в 771 г. до н. э.). Государство Западное Чжоу господствовало над обширной областью, территория которой соответствует современным провинциям Хэбэй, Хэнань, Шаньдун, Шэньси, Шаньси, частично Хунань, Хубэй, Аньхой и Цзянсу, т. е. тому, что мы привыкли сейчас называть собственно Китаем. Государственная власть подчинила своему влиянию многие процессы внутри страны. Государственный аппарат наблюдал за передачей земельных владений представителям господствующего класса. Существовал уже штат чиновников, ведавший сбором налогов с определенных областей.

Письменными источниками по периоду Западного Чжоу являются надписи на бронзовых сосудах, представляющих собою документы государственной важности. Они фиксируют земельные владения, дарения, родовые земли, принадлежащие тому или иному владетельному клану, и являются свидетельствами о признании владений со стороны центральной западночжоуской власти. Описания владений стали основой древнекитайской географии. Недаром легенда, связанная с историей создания древнейшего китайского географического свода *Шань хай цзин* («Книга гор и вод», предположительно ок. VIII в. до н. э.)², гласит, что составлен он на основе выгравированных на бронзовых сосудах описаний владений легендарного императора Юя (по традиции, правил в конце XXI в. до н. э.).

Интерес к надписям на западночжоуских бронзовых сосудах возник еще в эпоху Сун (960—1279). В дальнейшем они неоднократно привлекали внимание ученых разных эпох. Наиболее значительная коллекция западночжоуского времени из 162 сосудов с надписями была представлена в китайском издании 1935 г. (переиздана Институтом археологии АН КНР в 1958 г.). Раскопки последнего времени открыли большое число сосудов с надписями в погребениях и кладках. Большой клад из 37 сосудов, на большинстве из которых есть надписи, обнаружился в 1975 г. в провинции Шэньси, близ г. Баоцзи [Линь Гань-цюань, 1976]. Находки

---

² Из существующих переводов названия этого памятника мы выбираем «Книга гор и вод», где иероглиф *хай* явно не имеет обычного в более поздних текстах значения «море». В тексте памятника неоднократно говорится о том, что тот или иной объект, обозначаемый словом *хай*, имеет истоки в таком-то месте и далее течет туда-то, таким образом *хай* оказывается аналогичным позднему *шуй* «воды, реки», а сочетание *шань-хай* — однозначным с *шань-шуй* «горы и воды».

из клада относятся к периоду расцвета и начала упадка Западного Чжоу (IX—VIII вв. до н. э.). В 1977 г. был найден бронзовый сосуд с надписью, впервые датированный началом правления У-вана (середина или последняя четверть XI в. до н. э.; по традиции, 1122—1116 гг. до н. э.).

На чаше *Ши Цян пань*³, найденной в числе 74 сосудов с надписями в 1976 г. в уезде Фуфэн, близ деревни Чжуанпо (провинция Шэньси), содержится целое повествование из 284 иероглифов, где рассказано об истории рода Вэй [Тан Лань, 1978]. Представители этого рода из поколения в поколение носили титул *ши* («историографы»), были гадалками и хронистами. У них был также другой, связанный с первым титул *цзо цэ* («изготовители документов»), указывающий на высокий социальный статус профессиональных знатоков грамотности и официального делопроизводства.

Среди более трехсот известных к настоящему времени западночжоуских надписей иероглиф *цэ* в значении «документ» встречается неоднократно. Он представляет собой схематический рисунок нескольких бамбуковых или деревянных планок, связанных в двух местах шнуром. Рядом с ним в надписях очень часто встречается иероглиф *пянь* в значении «официально засвидетельствовать документ». Первоначально это был схематический рисунок стола со связкой бамбуковых или деревянных планок. Очевидно, в период Западного Чжоу и, может быть, еще ранее — в период Шан⁴ большинство документов писалось на бамбуковых или деревянных планках. Тогда это был обычный и дешевый писчий материал. Если хотели сохранить какой-либо документ для потомков, его переносили на церемониальные бронзовые сосуды. Теперь они — единственное свидетельство о западночжоуской письменной культуре, так как бамбуковые или деревянные планки не сохранились. Объем надписей в отдельных случаях был довольно большим. Например, надпись на треножнике *Да Юй дин* содержит 291 иероглиф, на треножнике *Сяо Юй дин* — около 400 иероглифов, на блюде *Сань ши пань* — 350 иероглифов, на треножнике *Мао гун дин* — 499 иероглифов.

Наряду с надписями, представляющими собой копии юридических документов, встречаются и такие, как надпись на сосуде-треножнике *Мао гун дин*. В тексте надписи последо-

³ Древнекитайские бронзовые сосуды имеют каждый свое название: последний знак (*пань, дин* и др.) есть обозначение типа сосуда, а предшествующие ему иероглифы — имя первоначального владельца сосуда.

⁴ В шанских гадательных надписях также есть обозначения связок бамбуковых или деревянных планок.

вательно излагаются основы религиозной и государственно-правовой доктрины, напоминающие ранние главы *Шу цзина* («Книги документов»), древнейшего свода исторических документов и повествований, созданного в основном не позднее IX в. до н. э. Это дает основание предполагать, что в период Западного Чжоу наряду с документами уже имелись написанные на бамбуковых планках культовые и государственно-правовые тексты. В упоминавшейся уже надписи на чаше *Ши Цян пань* в обширном историческом введении к рассказу о деяниях представителей рода Вэй содержится перечень семи первых чжоуских правителей с подробным описанием их заслуг: «Некогда Вэнь-ван сперва установил согласие в управлении [страной], Шан-ди ниспослал ему дэ (благую силу) и оказал содействие, так что он овладел верхом (небом) и низом (землей), смог получить десять тысяч владений. Стремительный и яростный У-ван покорил четыре стороны света, наказав иньцев, исправил народ, не стало более горестей, изгнал [правителей] Чжа и Ди, пошел войной на восточных И. Действовавшему в соответствии с образом Чэн-вану [советники] помогли воспринять должность с твердостью и почтением, им были установлены пределы чжоуского государства. Мудрый Кан-ван распределил земли между местными владельцами, укрепил границы [Чжоу]. Славный Чжао-ван [завладел] обширными землями в Чуцзине, захватил дорогу на юг. Уважаемый и доблестный Му-ван руководствовался великими предначертаниями [прежних правителей]. [Нынешний] Сын Неба все умиротворяет, Сын Неба с осторожностью поддерживает блеск Вэня и У (т. е. Вэнь-вана и У-вана)...».

Наличие такой обширной надписи, где о деятельности чжоуских правителей рассказано с помощью устоявшихся формул, наводит на мысль о существовании в то время и аналогичных исторических текстов, написанных на менее долговечном материале и несохранившихся:

Об использовании бамбука в качестве материала для письма свидетельствуют не только эпиграфические материалы, но и дошедшие до нас литературные памятники периода Западного Чжоу. В одной из песен *Ши цзина* («Книги песен», II, 1, VIII), описывающей дальний поход, сказано: «Разве не думаем мы о возвращении домой? Но страшимся приказа на бамбуковых дощечках».

С надписями на бронзовых сосудах связано формирование нового, более строгого и стандартизированного стиля написания иероглифов: знаки занимают строго определенную, одинаковую площадь и имеют вид вытянутых по вер-

тикали прямоугольников. Стандартизированы также написания отдельных черт и элементов иероглифов. Этот новый стиль получил название *сяо чжуань* («малая чжуань») и зафиксирован кроме надписей на бронзовых сосудах также в ряде текстов, выбитых на «каменных барабанах» (*ши гу*) середины I тысячелетия до н. э. Именно на начертания этого стиля ориентируется в своих объяснениях первый толковый и этимологический словарь китайских иероглифов *Шо вэнь*⁵, составленный в 100 г. н. э. Сюй Шэнем (30—124).

В период Восточного Чжоу (Дун Чжоу, VIII—III вв. до н. э.), получивший названия Чунь-цю (VIII—V вв. до н. э.) и Чжань-го (V—III вв. до н. э.), новые силы, ослабляющие центральную власть в государстве Чжоу, становятся главными на политической арене. Местные правители захватывают всю реальную власть в стране. В руках чжоуских ванов остается область вокруг столичного города Лои (позднее — Лоян). И лишь в сфере культовой ваны продолжают пользоваться известным влиянием.

К дошедшим до нас произведениям древнекитайской литературы этого периода принадлежат уже значительные историко-повествовательные памятники: *Цзо чжуань* («Повествования Цзо Цю-мина»), *Го юй* («Речи царств»), *Янь-цзы чунь-цю* («Вёсны и осени Янь-цзы»), которые содержат много сведений о письменной культуре той эпохи.

В рассказах *Цзо чжуани*, относящихся к середине VI в. до н. э., есть упоминания о том, что обычным материалом для записей официальных хронистов и гадателей (*ши*) служили бамбуковые планки: «Один из чиновников, [„ведущий записями“], услышал, что великий *ши* и его братья убиты. Он взял бамбуковые дощечки и отправился [во дворец], но, узнав, что запись [об убийстве циского правителя] сделана, вернулся» [ЦЧ, 25-й год Сян-гуна, с. 511]. Или в другом месте: «Вэйский Нин Хуэй-цзы заболел. Позвав [сына] Дао-цзы, он сказал: „Я провинился перед моим государем, но раскаянием ничего не достигнешь: ведь мое имя оказалось в записях правителей на бамбуковых дощечках...“» [ЦЧ, 20-й год Сянь-гуна, с. 485]. К периоду Восточного Чжоу относятся первые упоминания об использовании шелка в качестве материала для письма. В одном из рассказов *Янь-цзы чунь-цю* [ЯЦЧЦ, VII, с. 201] говорится о том, что Гуань

⁵ Название *Шо вэнь цзе цзы* объясняется следующим образом: в словарь включены как простые (не делящиеся на части) иероглифы (*вэнь*), так и сложные знаки (*цзы*). Простые иероглифы в словаре объясняются (*шо*), а сложные анализируются с помощью расщепления (*цзе*) на простые элементы.

Чжуну были пожалованы земли и выданы документы на них, написанные на бамбуке и на шелку.

В период Восточного Чжоу появляются многочисленные достоверные свидетельства того, что письменность становится важным элементом китайской культуры. Овладение ею превращается в главное условие усвоения системы кодифицированных взглядов на мир, что было обязательно для любого, поступавшего на государственную службу. *Цзо чжуань* и *Го юй* ссылаются на *Шу цзин* и *Ши цзин* как на главные источники, в которых собраны тексты, описывавшие религиозно-политическую доктрину дома Чжоу. Наряду с ними упоминаются и произведения членов коллегии хронистов и гадателей. Есть тексты общего характера, где все написанное ими именуется «записями» и «поучениями»: «Поэтому Сын Неба, занимаясь государственными делами, разрешает *гунам* и *цинам*, а также выдающимся *ши* представлять [трону] оды, слепым певцам представлять песнопения, хронистам-гадателям представлять записи, наставникам — наставления, ослепшим — стихи, слепцам — славословия, ремесленникам — укоризны, простолюдинам — распространенные у них повествования, ближайшим сановникам — все их расчеты, родственникам — все их соображения относительно последовательности [их родства], слепцам, а также хронистам-гадателям — поучения» [ГЮ, цэ I, цз. 3, с. 4]. «Во время жертвоприношений руководствуются поучениями слепых певцов и хронистов-гадателей. Во время отдохновения слушают славословия наставников и мастеров красноречия. Хронисты-гадатели не теряют записей, слепые певцы не прекращают славословий» [ГЮ, цэ XVII, цз. 6, с. 199].

Слепые исполнители стихов религиозного и мифологического содержания и хронисты-гадатели выполняли важные культурные функции, ведая целым комплексом догматических представлений и гадательных действий, раскрывавшихся в понятиях «путь Неба», «воля Неба» и т. д. Сохранились слова одного из современников: «Я не слепой певец и не хронист-гадатель. Откуда мне знать путь Неба?» [ГЮ, цэ III, цз. 2, с. 31]. Монополюльно владея практикой гаданий о проявлении «воли Неба» в делах людей, члены этой коллегии выступали как первые создатели текстов, касавшихся судеб тех или иных владений.

Такой характер, по-видимому, носило утерянное сочинение, называвшееся «Записи слепых певцов и хронистов-гадателей». Оно содержало предсказания, обращенные к правителям царства Цзинь: «[Во времена] Шан государством

дателей“ сказано: „[Число] поколений, [наследовавших] Тан Шу, будет равно числу [поколений] Шан“. Сейчас нет еще и половины» [ГЮ, цэ Х, цз. 2, с. 123]. «В „Записях слепых певцов и хронистов-гадателей“ сказано: „Наследуйте своим предкам, прорастая как зерно, будете владеть царством Цзинь“» [ГЮ, цэ Х, цз. 10, с. 131].

Члены этой коллегии были также создателями первых чисто «исторических» с современной им точки зрения книг—собраний записей о реальных событиях. *Цзо чжуань* упоминает об этом неоднократно: «В записях хрониста и гадалателя И имелось [наблюдение]: „Если не нашего клана и [на нас] непохож, то стремления у него иные“» [ЦЧ, 24-й год Чэн-гуна, с. 354]; «В записях великого хрониста и гадалателя было сказано: „Цуй Чжу убил своего государя“» [ЦЧ, 25-й год Сян-гуна, с. 510]. Авторство целого ряда книг исторического содержания, если судить по их названиям, которые встречаются в *Цзо чжуани*, по-видимому, также принадлежало представителям этой коллегии. Среди них —«Записи о прошлом» [ЦЧ, 6-й год Вэнь-гуна, с. 243], «Поучения времен Ся» [ЦЧ, 4-й год Ян-гуна, с. 422], «Записи [дома] Чжоу» [ЦЧ, 2-й год Вэнь-гуна, с. 231], «Книга [царства] Чжэн» [ЦЧ, 28-й год Чжао-гуна, с. 724], «Записи о ратных делах» [ЦЧ, 28-й год Си-гуна, с. 204; ЦЧ, 12-й год Сюань-гуна, с. 314]. В источниках периода Восточного Чжоу гадалатели и хронисты выступают главными носителями книжной образованности и основными читателями созданных в то время текстов: «Когда ван вошел, он вновь повторил сказанное. Левый хронист и гадалатель И-сян быстро вышел, [чтобы записать]. Ван сказал: „Это хороший хронист и гадалатель. Он в состоянии прочесть „Три усыпальницы“, „Пять правил“, „Восемь мер“, „Девять холмов“» [ЦЧ, 12-й год Чжао-гуна, с. 638].

Первое упоминание о собрании книг также связано с деятельностью гадалателей и хронистов. В 540 г. до н. э. состоялся визит в царство Лу цзиньского сановника Хань Сюань-цзы, которому была предоставлена возможность познакомиться с редкостями и реликвиями: «Осматривая книги великого хрониста и гадалателя, он увидел изображения к „И [цзину]“ и лускую [летопись] „Чунь-цю“» [ЦЧ, 2-й год Чжао-гуна, с. 582]. В отличие от других книг, называемых в *Цзо чжуани*, эти две дошли до нас. Первая представляет собой руководство в определенной области гадалательной практики, вторая же — хронику царства Лу. Название хроники можно перевести как «Весны и осени», однако следует учитывать многозначность этого выражения в древнем языке: оно означало и главные сезоны года, и время основных жертво-

приношений, а также важнейших государственных мероприятий, определявших, по мнению древних, весь жизненный цикл. По содержанию *Чунь-цю* состояла из записей нескольких поколений хронистов. В VI в. до н. э. это сочинение или сочинения такого типа были уже широко известны. Так, в *Го юе* сохранился нравоучительный диалог цзиньского правителя Дао-гуна (правил в 572—558 гг. до н. э.) с одним из сановников: «„Что значит действовать в соответствии с благой силой *дэ* и сообразно [космическому порядку]?“ Тот ответил: „Поведение *чжухоу* (князя), ежедневно пребывающего рядом с государем, состоит в том, чтобы действовать ради блага и избегать зла. Это можно назвать [поступками] в соответствии с благой силой и сообразно [космическому порядку]“. Гун спросил: „Кто [из моих подданных] может [поступать так]?“ Тот ответил: „Яншэ Си начитан в „*Чунь-цю*“» [ГЮ, цэ XIII, цз. 9, с. 160]. Неясно, имеется ли здесь в виду хроника царства Лу, или же речь идет об аналогичных текстах из других царств. О реальности второго варианта свидетельствует то, что на рубеже V—IV вв. до н. э. сочетание *чунь-цю* превращается в *terminus technicus* для многочисленных местных хроник. Сохранилось утверждение Мо-цзы: «Я видел *чунь-цю*, происходящие из ста владений». К сожалению, ни одна из этих книг, за исключением луской *Чунь-цю*, не дошла до наших дней.

Из нарративных источников периода Восточного Чжоу следует также, что документальная запись и книга, занимавшие выдающееся место в жизни древнекитайского общества, полностью оттеснили на задний план устное предание и такая важная общественная функция, как поддержание культурных традиций посредством передачи их от одного поколения к другому, осуществлялась с помощью книжного образования. Так, в речи, приписываемой чускому сановнику Шу-ши, включенной в состав *Го юе*, среди рассуждений о том, как и чему следует учить наследника чуского Чжуан-вана (правил в 613—591 гг. до н. э.), перечислены сочинения и различные государственные документы:

«Обучая его „*Чунь-цю*“, побудишь превозносить добро и порицать зло, чтобы сделать воздержанным его сердце. Обучая его родословным, побудишь прославлять благую силу и отвергать мрак и смуту, чтобы в его поступках радость одолела страх. Обучая его одам, побудишь обратиться к прославлению благой силы *дэ*, чтобы сделать просвещенными его устремления. Обучая его обрядам и установлениям, заставишь узнать о правилах для высших и низших. Обучая его музыке, избавишь от скверны и подавишь в нем легкомыс-

лие. Обучая указам и повелениям, заставишь разбираться в государственных делах. Обучая его повествованиям, сделаешь ясной его благодать и заставишь узнать, как ваны прежних дней воздействовали своей благой силой на народ. Обучая его по древним записям, заставишь узнать о тех, кто погибал и кто возвышался, избавишь его от страха. Обучая его по кодексу наставлений, заставишь узнать, каков порядок поколений, побудишь сопоставлять то, как они исполняли свой долг» [ГЮ, цэ XVII, цз. 1, с. 131].

В этом списке дан полный перечень главных направлений чжоуской словесности. В частности, здесь представлены *чунь-цю* — собрание записей гадателей-хронистов и *юй* — повествования, которые, судя по тексту, были также, по-видимому, созданы членами коллегии гадателей-хронистов. Дошедшие до нас тексты часто упоминают об участии в ней слепых певцов и сказителей, которые исполняли на придворных пирах песни мифологического содержания и рассказывали нравоучительные повествования. Произведения такого рода также были собраны и записаны. Об этом свидетельствуют источники периода Чунь-цю. Так, в *Го юе* имеется рассказ о чудесном рождении Бао Сы, жены чжоуского Ю-вана (правил в 781—771 гг. до н. э.), который начинается ссылкой на «Нравоучительные повествования» (*Сюнь юй*).

«Нравоучительные повествования» и другие тексты, относившиеся к категории *юй*, были, очевидно, в большинстве случаев плодом творчества слепых сказителей. Уже в VII—V вв. до н. э. они были записаны на бамбуковых планках. Из текстов, входивших первоначально в различные произведения категорий *юй*, в V—IV вв. до н. э. был составлен сборник *Го юй*, дошедший до наших дней. Таким образом, на основе произведений, созданных членами коллегии — хронистами-гадателями и слепыми сказителями, сложились обе древнейшие формы исторического повествования — погодные хроники и рассказы о событиях и людях. В IV в. до н. э. обе эти формы были объединены в монументальном историческом труде *Цзо ши чунь-цю* («Чунь-цю [человека] из клана Цзо»), впоследствии переименованном в *Цзо чжуань*.

Что касается памятников древнекитайской письменности VII—V вв. до н. э., найденных в земле, то число их в сравнении с памятниками периода Западного Чжоу невелико. Обнаруженные к настоящему времени надписи на бронзовых сосудах из царств Ци, Чу, У, Цинь, надписи на бронзовых колоколах из царства Цзинь, краткие надписи на мечах, секирах и т. д. исчисляются единицами и пока не дают развернутой картины развития древнекитайской письменной тради-

ции для этого времени. Исключение составляет найденный в 1965—1966 гг. близ г. Хоума (провинция Шаньси) комплекс из ста нефритовых круглых и кольцевидных, а также продолговатых и заостренных пластинок с надписями, содержащими пространные клятвы кланов царства Цзинь в союзе и верности друг другу, относящиеся к концу VI — началу V в. до н. э. [Чжан Хань, 1966]. Клятвы написаны красной тушью на всей поверхности пластинок. Характер письма этих текстов представляется более совершенным, нежели в надписях на бронзовых сосудах.

Сведения о роли рукописной книги в жизни древнекитайского общества периода Чжань-го (Сражающиеся царства, 453—221 гг. до н. э.) разнообразнее и содержательнее. В это время появляется целый ряд литературных произведений государственно-правового, этико-политического и философского содержания, написанных авторами не по долгу службы, а для выражения собственных взглядов. Возникают группы ученых, по-разному толкующие те или иные мировоззренческие принципы, складываются различные государственно-правовые и философские направления или школы, ведущие между собой идеологическую борьбу. Все это находит отражение в многочисленных произведениях того времени. В источниках появляются известия о том, что рукописи скапливались у частных лиц. В раскопках, ведущихся с 1949 г., обнаружено значительное количество текстов на бамбуковых планках, относящихся к этому периоду. В ряде могил периода Чжань-го близ г. Чанша были открыты комплексы бамбуковых планок, содержащих перечни погребального инвентаря.

Большой интерес для истории древнекитайской письменной культуры представляет находка в 1957 г. в одной из камер чуской царской гробницы близ г. Синьяна (провинция Хэнань) большого числа планок, содержавших неизвестный современной науке этико-политический текст [Ли Сюэ-цин, 1959]. Тексты на планках дошли во фрагментарном состоянии. После реставрации оказалось сто планок, включая целые и фрагменты. Длина каждой первоначально составляла 42,5 см, число иероглифов, написанных на одной стороне вертикальной строкой, достигало тридцати. Иероглифы были выведены писчей кистью, одна из которых была найдена в синьянской гробнице. Писчая кисть прекрасной сохранности, помещенная в бамбуковый футляр, была раскопана также в погребении периода Чжань-го близ Чанша. Судя по следам скрепления бамбуковых планок и заголовкам на них, найденный в погребении текст делился на главы — *пянь*.

Каждая глава была записана на 18 планках и содержала от 500 до 600 иероглифов. Поддающиеся прочтению фрагменты текста, вроде следующего: «Чжоу-гун⁶ сказал: „Ах! Низкий человек упорно держится собственного мнения, не желает выслушивать поучений, поэтому нашим высоким предкам как раз и приходилось прибегать к уголовным наказаниям, чтобы наложить на него взыскание“», указывают, что в сочинении обсуждались различные государственно-правовые средства подавления недовольства народа. Синьянскую находку можно считать первой подлинной бамбуковой книгой чжоуского времени, найденной археологами.

Данные археологии и свидетельства древних нарративных, этико-политических и философских источников показывают, что изготовление бамбуковых книг, а также их распространение не требовали чрезмерных усилий и затрат. Бамбуковые книги с весьма узкими и тонкими страницами, соединенные в связки-главы (*пянь*), были достаточно удобны при различных обстоятельствах. В одном из текстов периода Чжань-го сказано, что Су Цинь, известный дипломат того времени, был вынужден в начале своей карьеры носить книги «на плече в коробе». Сохранилось также упоминание о том, что философ Мо-цзы (ок. 468—376 гг. до н. э.), собираясь отправиться в качестве посла в царство Вэй, «сложил в свои повозки весьма много книг» [МЦСГ, цз. XII, с. 268]. И материал, и техника письма, как это следует из археологических находок, открывали достаточный простор для развития книжного дела в древнем Китае, что согласуется с утверждением Мо-цзы: «Добрых книг, имеющих в Поднебесной, не счесть» [МЦСГ, цз. IX, с. 165].

Периодом Чжань-го датирован и текст, написанный на шелку, найденный в одном из погребений этого времени близ Чанша в 1936—1937 гг. в ходе непрофессиональных раскопок. В бамбуковой шкатулке лежал сложенный в восемь раз кусок шелка (30×39 см). Эта уникальная находка вскоре очутилась в одном из музеев США. В ходе ее изучения выяснилось, что найденный кусок шелка украшен многоцветными рисунками и содержит обширный, неизвестный ранее текст, состоящий из двух групп иероглифов: в первой — 13 строк примерно по 34 иероглифа, во второй — 8 строк примерно по 36 иероглифов. Местами текст испортился от времени, не все иероглифы поддаются адекватному чтению. Сейчас полностью восстановленными и прочитанными считают-

---

⁶ Один из основателей чжоуской административной системы, возглавлявший при Чэн-ване (конец XI — начало X в. до н. э.) органы власти.

ся около 380 иероглифов из первой группы и около 270 иероглифов из второй. Текст первой группы посвящен описанию наводнений и землетрясений, вызванных, по мнению древних, нарушениями нормального вращения звезд. Ответственность за эти нарушения автор возлагает на людей, пренебрегающих своими обязанностями к Небу. Текст второй группы рисует картину беспорядочного движения небесных тел во времена глубочайшей древности ([Шан Чэн-цзо, 1964]; полная публикация: [Barnard, 1975]).

Находки близ Синьяна и Чанша подтверждают закономерность появления у авторов периода Чжань-го выражения «бамбук и шелк» (*чжу-бо*), обозначавшего материал для письма [МЦСГ, цз. II, с. 41; цз. XIII, с. 284; ХФЦЦЦ, цз. VIII, с. 147]. Возможно, что в позднечжоуское время складывается особый тип «книжного» письма. Современные исследователи отмечают в начертании иероглифов на синьянских бамбуковых планках, на шелковом свитке из Чанша и на нефритовых пластинках из Хоума с текстами клятв очевидные черты сходства.

Книги периода Чжань-го, написанные на бамбуковых планках, были обнаружены и ранее. Так, в 280 г. в гробнице царства Вэй, относящейся к III в. до н. э., в местности Цзи (провинция Хэнань) была найдена целая серия книг, из которых наибольшую известность получил текст *Му-тянь-цзы чжуань* («Повествование о Му — Сыне Неба»). Интересный опыт построения всеобщей древней истории Китая, завершающейся хроникой царства Вэй (V—III вв. до н. э.), содержала книга *Чжу шу цзи нянь* («Погодные записи на бамбуковых планках»), найденная там же. В этом историческом своде, известном сейчас по отдельным фрагментам, еще не удалось обнаружить признаки строго фактологического изложения событий. По-видимому, древние записи были представлены в нем лишь по хронологии правителей Ся, Шан, Чжоу и Вэй. В описании книг из вэйской гробницы в Цзи, составленном первыми их читателями, упомянут целый ряд других сочинений, утраченных в периоды Тан и Сун. В частности, имеется и такое замечание: «Среди древних книг погребения в Цзи имеются *чунь-цю*, напоминающие „Цзо чжуань“, т. е. среди утраченных книг были сочинения типа *чунь-цю*, содержавшие повествовательный элемент. Можно утверждать, что подобные *чунь-цю* были написаны не официальными хронистами, а древнекитайскими книжниками по собственной инициативе.

Обратимся к цитируемым в трактате *Мо-цзы* чжоуской, яньской, сунской и циской *чунь-цю*. Составители трактата

заимствовали из чжоуской *чунь-цю* рассказ о том, как призрак безвинно казненного сановника покарал чжоуского Сюань-вана [МЦСГ, цз. VIII, с. 140]. Приведенные далее рассказы о смерти яньского, сунского и циского правителей примерно того же содержания. Все четыре рассказа и по общему смыслу, и по деталям оскорбительны для памяти тех правителей, чей позорный конец они описывают. Таким рассказам, разумеется, не могло быть места в официальных хрониках царств. В них, вероятно, следует видеть осуществленные частными лицами обработки преданий (легендарного характера), излагающих политическую историю. Так, единственная параллель к рассказу чжоуской *чунь-цю* о позорном конце Сюань-вана известна лишь по приведенному в *Го юе* пересказу текста, который заимствован из утраченного сборника таких преданий: «В древности возвысилось Ся, тогда бог огня спустился на высокую гору. Когда оно клонилось к гибели, бог огня подал весть в Циньсue. Когда возвысилось Шан, [волшебный] зверь *тао-у* стал показываться в горах Пишань. Когда оно клонилось к гибели, [волшебный] зверь *и-ян* появился на [шанском] пастбище. Когда возвысилось Чжоу, феникс подал голос в горах Цишань. Когда оно пришло в упадок, Ду Бо застрелил вана в Хао. Все это есть в „Записях о духах“» [ГЮ, цэ I, цз. 12, с. 10].

Введение в текст *чунь-цю* различного, часто весьма тенденциозного, повествовательного материала связано с важными переменами, происходившими в древнекитайской историографии. К началу периода Чжань-го интересы составителей исторических текстов, среди которых появляется много лиц, не связанных с официальным летописанием, постепенно начинают концентрироваться не столько вокруг фактического содержания событий, сколько вокруг проблемы смысла событий, той или иной их направленности. Свидетельством перемещения интереса с описания событий на их оценку служит то, что в период Чжань-го появляются исторические сочинения типа *чунь-цю*, построенные по тематическому принципу, в которых исторический материал сопровождался серией авторских суждений о нем. К числу таких сочинений относится утраченное сочинение чжаоского сановника Юй Цина (III в. до н. э.), с содержанием которого мы знакомы по библиографическому описанию Сыма Цяня: «Сперва [автор] остановился на периоде Чунь-цю, затем рассмотрел нынешний век. [Разделы] озаглавлены: „Мера и соразмерность“, „Название и обозначение“, „Соображения и догадки“, „Политика и замыслы“. Всего восемь связей (*пьянь*). 95

[написанных], чтобы издеваться и насмехаться над удачами и ошибками [разных] царств. Из поколения в поколение [это сочинение] передается под названием „Юй ши чунь-цю“» [ШЦ, цз. 76, с. 2375].

Рядом с такими типами исторического повествования продолжала жить и официальная историография. Однако в результате бурных событий, имевших место в ходе объединения Китая под властью Цинь Ши-хуанди, полные тексты хроник Сражающихся царств погибли, и мы знакомы с их содержанием лишь по некоторым цитатам в соответствующих главах труда Сыма Цяня. Целиком сохранились только «Записи циньских хронистов и гадателей», которые, по свидетельству Сыма Цяня, были неоднократно использованы им.

В 213 г. до н. э. по приказу Цинь Ши-хуанди, применившему на деле опыт идеологической борьбы периода Чжаньго, были изъяты у населения и сожжены *Ши цзин* и *Шу цзин*, а также книги различных философских школ. Эта мера отвечала теоретическим устремлениям и сторонников школы закона, и сторонников конфуцианства в истолковании Сюнь-цзы. В единой деспотической империи, объединившей весь Китай, не было места для тех, кто, по словам Ли Сы, первого сановника Цинь Ши-хуанди, «с помощью древности отрицает современность». Исчезли центры различных государственно-правовых, этико-политических и философских направлений и школ. Нам ничего не известно о проявлениях какого-либо творчества в этой области во времена империи Цинь. Источники сообщают, что населению было разрешено хранение и использование весьма ограниченного круга книг. В докладе Ли Сы рекомендовалось: «Не изымать книги по медицине, фармакологии, гадательные книги и книги по сельскому хозяйству». Эта политическая кампания совершенно не касалась сочинений по различным отраслям знаний, например юриспруденции, имевшихся у чиновников. В 1975 г. в провинции Хубэй близ г. Юньмэна в погребении чиновника эпохи Цинь были обнаружены письменные памятники на бамбуковых планках [Малая группа по приведению в порядок циньских текстов, 1976]. Самую интересную часть находки представляют извлечения из циньского уголовного законодательства, из юридических уложений, касавшихся основных сторон экономической жизни циньского общества, и сборник учебных примеров по разбору различных уголовных дел. Их объем — около 600 планок. В конце каждого извлечения из уложений имеется указание, из какой главы они заимствованы. Кроме того, было обнаружено краткое

жизнеописание умершего чиновника и один из важнейших документов, касающихся его деятельности.

Неблагоприятные для культурной жизни условия Циньской империи сменились периодом кровавых междоусобиц, массовых разрушений и пожаров, сопровождавших антицинские народные восстания и борьбу за власть в Китае в 209—202 гг. до н. э. Затем страна была объединена под эгидой новой династии — Хань. Стабилизация, наступившая в разных сферах жизни империи, очень ярко проявилась в попытках властей восстановить культурное наследие эпохи Чжоу и периодов Чжань-го и Чунь-цю. В автобиографической главе своего труда Сыма Цянь писал: «Когда поднялась династия Хань, Сяо Хэ расположил в определенном порядке статуты и указы, Хань Синь определил последовательность военных законов, Чжан Цан упорядочил уставы, Шусунь Тун привел в порядок [тексты] о ритуале и правилах поведения; тогда ученость во всей своей полноте постепенно стала восстанавливаться. „Ши [цзин]“ и „Шу [цзин]“ стали появляться повсюду. С того времени, как Цао Шэнь рекомендовал Гэ-гуна для изложения [учения] Хуан[-ди] и Лао[-цзы], Цзя[И] и Чао Цо, сделались ясными [рассуждения] Шэнь [Бу-хая] и Шан [Яна]; Гунсунь Хун прославился [исследованиями] конфуцианства. Прошло сто лет, и древнейшие тексты из литературного наследия Поднебесной в полном составе были собраны тайши-гуном» [ШЦ, цз. 130, с. 3319].

Действительно, в начале эпохи Хань было восстановлено большое число чжоуских сочинений. И центральная власть, и представители новой знати много усилий прилагали к тому, чтобы как можно полнее восстановить памятники культуры предыдущей эпохи. Особенно прославились своей любовью к чжоуской учености жившие во II в. до н. э. хуайнаньский ван Ань и хэцзяньский Сянь-ван Дэ, в собрании которого «все книги были написаны старым письмом, все относились к доциньскому времени».

Находки последних лет подтверждают сообщения источников об огромном интересе высших слоев ханьской бюрократии к произведениям философов, политиков и военных теоретиков периода Чжань-го. В 1973—1974 гг. в окрестностях Чанша близ деревни Мавандуй было раскопано третье богатое погребение, датируемое началом эпохи Хань. В его инвентаре имелась лаковая шкатулка с двумя кусками шелка (свитками): один — шириной 48 см, другой — 24 см. На обоих написаны сочинения, созданные в эпоху Чжоу: на первом — «Книга перемен» и начало сочинения Лао-цзы, на второй — продолжение сочинения Лао-цзы и сочинение без названия о

деятельности дипломатов и военачальников периода Чжань-го.

Все 27 эпизодов, записанных в этом свитке, посвящены деятельности тех или иных лиц периода Чжань-го, но расположение их в свитке кажется произвольным, не имеет ни хронологической, ни географической связи. В найденном сочинении обнаруживаются целые разделы, совпадающие с отдельными частями «Планов Сражающихся царств» (*Чжань-го цэ*) или параллельные эпизодам в труде Сыма Цяня. Однако материалы 16 глав этого сочинения ранее были науке совершенно неизвестны. В целом мы имеем дело с текстом, который был, по-видимому, частично использован Сыма Цянем, а впоследствии стал одним из источников «Планов Сражающихся царств». Из-за отсутствия названия, очевидно, в предисловии к «Таблицам шести царств» Сыма Цянь описывает свой источник в общих словах, не давая ему точной характеристики: «Однако о том, как Сражающиеся царства лавировали в [сложной обстановке], также имеется [сочинение], из которого многое можно позаимствовать. Зачем непременно [исследовать] глубокую древность?»

Когда в конце I в. до н. э. Лю Сян предпринял попытку в широких масштабах отобрать лучшее, восстановить по разным источникам утраченное, соединить разрозненное в памятниках доциньского времени, хранившихся в императорских библиотеках, то он воссоздал и сочинение о союзах царств и военных столкновениях между ними в период Чжань-го. О своей работе он писал: «Что касается книги, которую я выверил и [назвал] „Планы Сражающихся царств“, то в императорских библиотеках было сочинение, обладавшее избытком свитков, пребывавших в беспорядке и взаимно перемешанных. Кроме того, имелось восемь глав, в которых [повествование велось] по отдельным царствам. Этого было недостаточно. Я, опираясь на [повествование] по отдельным царствам, расположил [материал] во временной последовательности, разделил [материалы], пребывавшие в беспорядке, чтобы они дополняли друг друга, устранил повторы, получил 33 главы» [ЦШСЦХСЛВ, цз. 37, с. 331]. Первый из источников, о которых пишет Лю Сян, по своему содержанию весьма напоминает сочинение, найденное в Мавандуй. В этом же погребении были обнаружены письменные памятники гадательного характера, а также древнейшая карта одной из областей Китая, выполненная на шелку.

В 1972 г. в окрестностях г. Линьи (провинция Шаньдун) 98 в погребении, датированном началом правления У-ди (конец

II в. до н. э.), был открыт большой комплекс бамбуковых планок с сочинениями Сунь У (VI в. до н. э.) и Сунь Биня (IV в. до н. э.) о законах войны. Наибольшую ценность представляет утраченное около тысячи лет назад сочинение Сунь Биня. Интересна и книга Сунь У (*Сунь-цзы*), которая включает ряд разделов, отсутствующих в современной редакции памятника. Обширный текст, написанный на бамбуковых и деревянных планках, был открыт также в 1959 г. в погребении близ г. Увэй (провинция Ганьсу), относящемся к периоду Восточной Хань (I—II вв.) [Управление культуры провинции Ганьсу, 1960]. Сочинение посвящено правилам поведения воспитанного и образованного по-конфуциански чиновника. Оно хорошо известно под названием *И-ли* («Обряды и правила»).

Материалы трех крупных перечисленных находок показывают единообразие в оформлении рукописных книг эпохи Хань: и написанных на бамбуковых или деревянных планках, и написанных на шелковых свитках. В мавандуйской находке на полном куске шелка в строке было 60—70 иероглифов, на половинном куске в каждой строке было 30 иероглифов. Эти данные сопоставимы с текстами, написанными на бамбуковых и деревянных планках. Так, на деревянных планках из Увэй длиной 54—58 см было обычно написано по 60 иероглифов. Сочинение Сунь Биня из Линьши, в свою очередь, написано на бамбуковых планках длиной около 27 см каждая, в строке примерно по 30 иероглифов. Текст Сунь Биня был разделен на небольшие главы (*пянь*), названия которых приведены в свободных местах в конце строк, при этом рядом отмечено и число иероглифов в главе. Одновременно существовала и иная система деления памятника — с большими главами, названия которых обозначены на оборотной стороне бамбуковых планок. Книга из Увэй разделена на главы, объединяющие от десяти до ста и более дощечек, названия глав и их последовательность обозначены на обороте планок. По-видимому, в обоих случаях системы членения содержания книг предполагали возможность пользоваться скрепленными между собой дощечками в виде свитков-цзюаней, представляющих собой большие главы. Сочинения, написанные на шелку (например, труд Лао-цзы), были разделены на главы, названия которых и количество иероглифов в них указаны в конце строк. Сейчас впервые появилась возможность сопоставить реальные тексты периода Хань, написанные на шелку и на бамбуковых или деревянных планках. Сравнение показывает, что способы оформления древних рукописных книг были едиными.

В эпоху Хань впервые в истории Китая создается ряд больших книгохранилищ на территории императорского дворца. Сбор книг в стране для этих учреждений был начат в годы правления У-ди (140—87 гг. до н. э.). Наряду с огромным интересом к учености предыдущей эпохи произведения современников также оказались в центре внимания собирателей. Здесь были и произведения Дун Чжун-шу, автора комментариев на конфуцианские сочинения, и обширнейшая всеобщая история Китая Сыма Цяня, и политические труды Лу Цзя и Цзя И, и многочисленные книги других авторов, составивших основу раннеханьской науки и словесности. К концу I в. до н. э. относятся новые усилия по пополнению императорских книжных собраний и ограничению частного коллекционирования книг.

В ходе организации общекитайского книжного собрания и работ над воссозданием текстов множества разнохарактерных памятников родилась идея общего описания книжных сокровищ. Это начинание было осуществлено Лю Сяном, главным хранителем императорских библиотек и редактором воссоздававшихся текстов. После его смерти работу по составлению полного описания книг продолжил его сын Лю Синь. Труд Лю Синя *Ци люэ* («Семь подразделений») был завершен около 5 г. до н. э. Он дошел до нас в составе «Истории Хань» Бань Гу (I в. н. э.), где является основой библиографической главы *Ивэнь чжи* («Сведения о литературе»).

Несмотря на очевидную противоречивость процессов, характеризовавших культурную жизнь эпох Ранней и Поздней Хань, в это время происходило постоянное расширение производства рукописных книг, одновременно увеличивались и потребности бюрократической империи в удобных материалах для письма, для деловой документации. Официальные источники датируют 105 г. предложение Цай Луня об изготовлении нового материала для письма, называемого сейчас бумагой, «из коры деревьев, конопли, тряпок и рыболовных сетей». Эта версия, сохранившая память о деятельности одного человека, не раскрывает длительного, сложного и многостороннего процесса поисков, в котором, несомненно, участвовали многие. В 1957 г. в окрестностях г. Сианя было раскопано раннеханьское погребение, датируемое временем правления У-ди, среди инвентаря которого оказались фрагменты бумажной массы⁷. Это одно из свидетельств того, что бумага начала появляться в Китае задолго до доклада Цай

Луня императору. Очевидно, что открытие производства бумаги не было единовременным актом. Множество безымянных изобретателей способствовали удачному решению этой задачи, поставленной жизнью. Дальнейшее развитие китайской культуры теснейшим образом связано с рукописями на бумаге.

Мы видели, как в рассмотренный период постепенно создавались формы книги, связанные с теми или иными материалами для письма. Наиболее ранним из зафиксированных книжных терминов нужно считать *цэ* — связку бамбуковых планок или гадательных костей, объединявшую тексты документального характера. С термином *цэ* связан другой — *дянь*, означающий как акт регистрации документа в официальном хранении, так и способ размещения документов в хранилище. Оба термина сохранились поныне, но уже в сильно измененном значении: *цэ* употребляется для обозначения тома в многотомных сочинениях и изданиях, а *дянь* — сводов материалов, подобранных по определенному принципу (словари, энциклопедии, своды архивных документов и т. п.). После появления пространных сочинений, имевших деление на главы, появилась необходимость делить таким же образом и бамбуковые планки, ставшие в это время основным материалом для письма. Связки бамбуковых планок одной главы сочинения стали называться *пянь*, и еще долго после изобретения бумаги *пянь* означало главу. Наконец, употребление для письма эластичных материалов — шелка, а потом бумаги — вызвало к жизни свиток-цзюань как основную форму книги. Любопытно, что к этой новой форме, как показывают археологические находки, были приспособлены к концу I тысячелетия до н. э. и книги на бамбуке. Такая книга состояла из тонких длинных бамбуковых планок, просверленных насквозь с ребра. В полученные отверстия вставлялись шнуры, скреплявшие планки в длинную полосу, которая благодаря узости планок могла быть свернута свитком.

Переход на эластичный материал потребовал изменения орудий письма. Если на костях, бронзе, бамбуке надо было писать твердым предметом, оставлявшим более или менее глубокие бороздки, то при эластичном материале этот способ был непригоден. Нужно думать, что изобретение мягкой писчей кисти (*би*, *маоби*) связано с переходом на шелк, а потом на бумагу.

В связи с изменением как материала, так и орудий письма изменилась и форма письменных знаков. Появляется новый стиль — *лишу* («канцелярское письмо»), где знаки были

сильно упрощены по сравнению с *да-чжуань* и *сяо-чжуань* (хотя происхождение *лишу* от них несомненно) и приспособлены для сравнительно быстрого писания кистью. Стиль *лишу* явился уже прямым предшественником более позднего стиля — *кайшу* («уставное письмо»), сохранившегося в основных чертах до нашего времени.

Таким образом, развитие материала для письма, орудий письма, форм книги, крупных книгохранилищ, библиографической науки обеспечило к началу новой эры тот расцвет книжного рукописного дела, который наблюдается в течение всего I тысячелетия н. э.

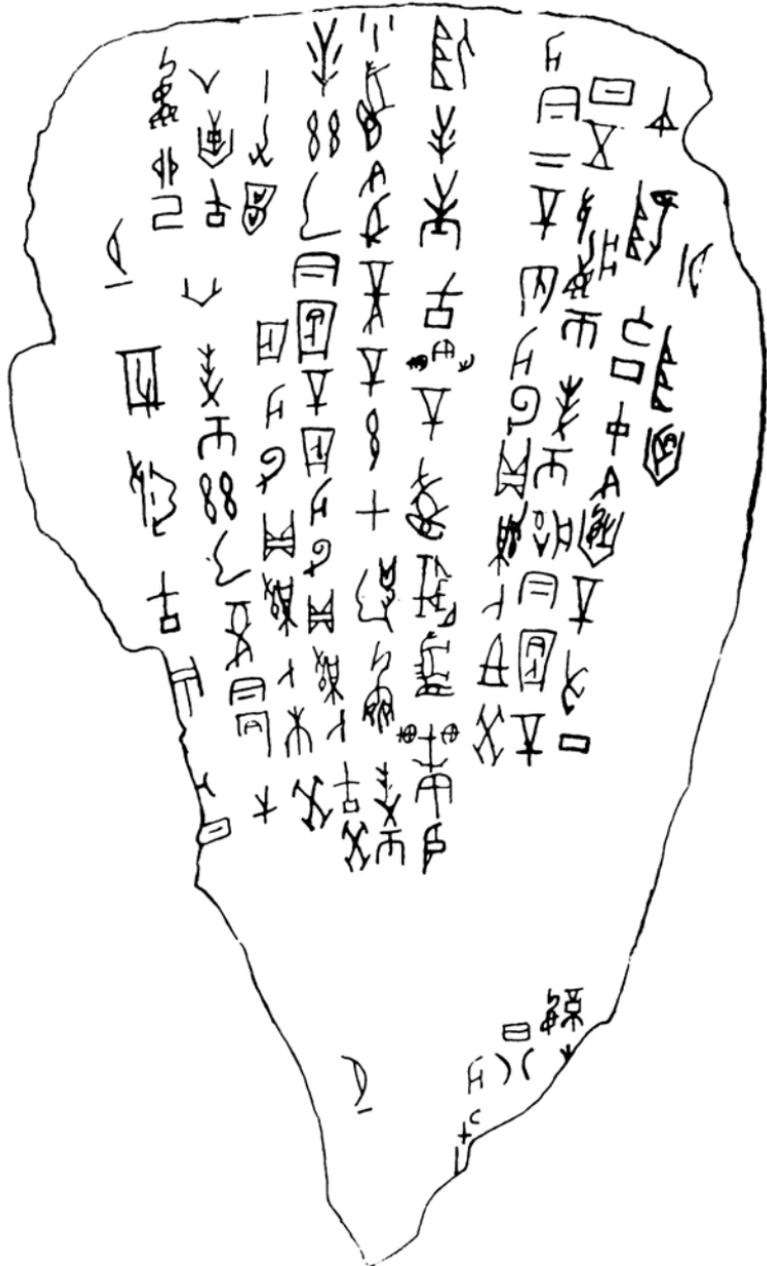

Рис. 5. К старье К. В. Васильева.
Нисенская надпись на кости